Под небом любви

Я никогда не злоупотреблял эпиграфами и цитатами из классики. За всё время своей относительно долгой литературной работы наберётся в моих трудах, может быть, чуть больше десятка случаев, когда просто грех было не поставить чужое, ставшее родным, перед стихотворением, эссе или романом. Это были строки, естественно: Пушкина, Лермонтова, Блока, Есенина, моих земляков Тютчева, Фета, Бунина, товарища по Литинституту, дружественного Рубцова, гениального и, естественно, несчастного гражданина Североамериканских штатов Эдгара По. Вот и, пожалуй, всё, за незначительной малостью. И да простят меня великие таланты, если кого-то я запамятовал в суете русского быто-небытия.

Но во времена последние, как-то вдруг сама собой, проснулась неожиданная и неуёмная страсть к самоэпиграфам, то есть к цитированию самого себя, многогрешного. И не оттого, что перестал обращаться к классике, что стал забывать близкое, – и не из-за гордыни самоутверждения. Скорее, наоборот, сопротивляясь бесам гордыни и подпитываясь классикой, как живой водой вечности земной, ибо не из тёмной пустоты антивечности приходят в душу истинные слова, а от Господа Бога. И совершенно незаметно по началу стала складываться новая книга стихотворений с самоэпиграфами, и название стремительно высветилось – «Воля любви».

Возможно, кого-то моя новая книга удивит, кого-то неестественно озадачит, кому-то ляжет на душу, но кого-то и разозлит до умопомрачения, ибо чёрная зависть людская не терпит новизны и, являясь тяжкой душевной болезнью, лечению не поддаётся, разве что уничтожению. Но что делать: без завистников-бездарей Поэзия никак обойтись не может. И даже самый-самый плохой и мерзкий человек имеет право на своё место в этой жизни, дабы его не занял некто ещё более худший. Но когда я попадаю в злые сети бытия, как поэт, – эти сети враз обращаются в чёрные дыры, и не о бездарных, тупых завистниках речь моя, слишком много чести...

Время, как зло, извечно противостоит Поэзии, ибо оно уничтожает жизнь. И большая Поэзия изначально противостоит большому и малому времени и не выбирает из двух зол меньшее, поскольку при сём лукавом выборе меньшее тотчас обращается большим. Да и, вообще, выбора в Поэзии нет, есть один выбор, один единственный Божий путь к совершенству, которого никогда не достичь, ибо оно принадлежит Господу Богу. И это прекрасно, это и есть пушкинское «...бессмертья, может быть, залог».

Обычно эпиграфы выступают как бы подпорой написанного, а порой и оправданием. Но в моём случае – это нечто иное, мои самоэпиграфы и самоцитаты чаще всего не объясняют и не оправдывают сочинённое, да и не нуждается истинная Поэзия ни в оправдании, ни в объяснении. Истинная Поэзия – это то, что нельзя, невозможно передать прозой. Скорее всего, мой случай можно обозначить, как явление двойной радуги, когда повторимое обращается неповторимым, и когда неповторимое становится повторимым, когда в отражении и в кажущейся раздвоенности пульсирует животворное единство и одиночество души человеческой.

Впрочем, излишек объяснений, даже в предисловии, всегда в укор пишущему, поскольку от них всего лишь шаг до неверия в своего читателя, а после сего рукой подать до обратного неверия взамен взаимопонимания. А я очень хочу верить и верю, что мои читатели, а может, и не только мои, вопреки душевнобольным завистникам – бездарям, поймут и не осудят меня. И кому-то, даст-то Бог, мои стихи и мои самоэпиграфы помогут в тяжкий час на страшных распутьях земных и неземных, ибо всё созданное мной продиктовано правдой и любовью.

Лев Котюков

Власть

В.В. Путину

Тайна зла всегда противостоит власти

Мы все у Бога на примете,
Но одного возносит Он.
И он один за всех в ответе
В безумье дьявольских времён.

Когда разор в стране огромной,
Прозрев земное в неземном,
Он восстаёт над бездной тёмной
В единоборстве с тайным злом.

Безумны злые силы Мира,
И Солнце чёрное в дыму…
Но имя твёрдое – Владимир
Не зря даровано ему.

Но тяжко свето-воплощенье,
И молит жизнь: «Господь, спаси!»
И в бездне дней идёт крещенье,
Крещенье новое Руси.

И он один в стране огромной,
Сполна прозревший тайну зла,
В единоборстве с бездной тёмной
Спасёт двуглавого орла.

Горит Вселенская дорога.
Грохочет двадцать первый век.
И власть воистину от Бога,
Когда у власти Человек…

* * *

Бессмертие – не залог совершенства

Плывут во тьме космические льдины.
В бессмертье Божьем – жизнь и смерть едины,
И времени река не знает середины,
А мы гребём к незримым берегам…
Но берег левый обратился правым,
И по воде, как по холодным травам,
И по воде, как по земным снегам,–
Забвение идёт навстречу нам…
О, как неотвратима эта встреча!
Но горький миг в душе всегда далече,
И в сумерках сознанья дальний вечер,–
И мы гребём навстречу вечным льдам…

Вечная дорога

Вера человека в своё бессмертие и любовь человека к Богу не всегда равнозначны

Беспощадная дорога.
Беспощадный мрак и свет.
Но дойти, дойти до Бога
Всё надеюсь в бездне лет.

И дойти до Бога надо
До последнего звонка…
А дорога беспощадна,
А дорога далека.

Лишь на миг глаза закрою,
Враз виденье предстаёт:
Будто Бог идёт со мною,
Сам к Себе со мной идёт.

И без боли сердце бьётся,
И огонь-восторг в груди,
Будто Бог во мне, как Солнце, –
И немного впереди.

Беспощаден мир огромный!
Не видать других дорог…
Но греховный морок тёмный
Мне сполна прощает Бог.

Впереди, быть может, вечность, –
Невозможный мрак и свет.
Без исхода бесконечность,
Но иной дороги нет.

Беспощадная дорога
Может жизнь мою спасти…
Но до Бога, но до Бога –
И бессмертным не дойти!

В запредельной круговерти
Солнце чёрное встаёт.
И до Бога сквозь бессмертье
Только Бог один дойдёт!..

Доска

(Вспоминая 13 съезд Союза писателей России)

Но почему, почему в России любому бездарю так легко прослыть патриотом?!

Сколько можно бодаться с прорвой?!
Это кто там в роще свистит?..
От забора доской оторванной –
Эта жизнь на гвозде висит.

И никто ничего не знает!
Но из рощи, в репьях поэм,
Патриот-поэт вылезает
И нудит, что пропал совсем.

Я не знаю – ну, что с ним делать?
Без него невподъём своё…
Он твердит, что совсем без денег,
Что забыт, что отняли всё.

Лезет в душу «поэт» с тоскою,–
Без тоски душе невподъём:
«Хочешь, брат, угощу доскою,
Гробовою доской с гвоздём?»
И катись себе дальше рощею,
Отряхни от репьёв пальто…
А забвение наше общее
Не отнимет у нас никто…

Воспоминание о велогонке

Одиночество победителя в сто крат страшней одиночества побеждённого

Обошёл таки у поворота,
И злорадно махнул рукой...
Что ж, гони до седьмого пота,
Если выдержишь натиск мой.

Но потом, надорвался что ли?
Загремел с откоса в кювет…
Но в душе моей, кроме боли,
Ничего, слава Богу, нет.

Это всё далеко-далёко,
И бубню я что-то не то…
Но как жутко, как одиноко, –
Не обгонит уже никто…

Песня под гитару

Любовь, которая жаждет только счастья, – не совсем любовь

В этой роще нам не встретиться
Под весенний гул и гром…
Но река упорно светится
Торопливым серебром.
И звенит река – гитарою,
И мечтает о своём,
Что разлуку нашу странную,
Что – и рощу эту старую
Мы в любви переживём…

От дождя река не скроется.
В серебре дрожат сердца.
И река дождём омоется,
И любовь сполна откроется
Нашим душам до конца.
И навек придётся встретиться
Под весенний гул и гром.
И звенит река, и светится
Торопливым серебром.

* * *

Смерть есть неизвестная форма жизни

Сколько там ещё осталось
Нам до неземной Весны?..
Жаль, что молодость и старость
Вечной жизни не нужны.

Что за жизнь, коль жизни этой –
Даже юность не нужна?!.
И в душе – земное Лето,
А не вечная Весна.

И в любовной круговерти
Полнит души горний свет…
Но, увы, увы, без смерти
В этой жизни – жизни нет…

Воспоминание о перестройке

Все люди – дураки!
Но среди дураков иногда попадаются люди

Вещал с трибун плешивый свинопас:
«Процесс пошёл!.. Всё начать и углубить…»
А я в те годы, может, душу спас,
Став не по нраву очень многим людям.

Не бил я стёкла в запертом ларьке,
Не ждал от гиблой власти откровенья,
Я даже напечатал в «Огоньке»
Какие-то свои стихотворенья.

Я жил у перестройки на краю
И оставался сам себе хозяин…
Но так я перестроил жизнь свою,
Что до сих пор живу среди развалин.

Но бестолку о сгинувшем тужить!
Случайное всегда необходимо…
А жизнь идёт… Проходит эта жизнь…
Красиво и легко проходит… мимо.

Неизбежность

– Вы так быстро идёте, будто на расстрел меня ведёте!
– Туда и ведём! А ты что думал?
– А думал, что в обратном направлении.
– Вот так и думай, а нам, брат, думать некогда.

I

Всё неизбежно, всё неотвратимо,
И некого и некому судить…
И кажется, что жизнь проходит мимо,–
Но повториться – значит, не простить.

И никого никто прощать не хочет,
И падает в ничто земная клеть…
Но, как легка, тень этой белой ночи,
И счастье неизбежно, будто смерть.

II

Душа молода, старей – не старей!
Душа летит сквозь века.
И тень любимой в глуши аллей,
Как белая ночь, легка.

И счастье твоё неизбежно, как смерть,
Но смерть без любви – ничто!
И белой сирени тугая ветвь
Целует тебя в лицо.

* * *

Познаваемое увеличивает неизвестное.
Познанная красота есть безобразие

Где, красота, твоя победа?!
Где без свободы красота?..
В мечтах кичливых многоведов –
Безумье, похоть и тщета.

Мечтам познанья нету меры!
Но в неизвестном – всё не то…
И знание – ничто без веры,
И красота, увы, ничто.

В несбыточном

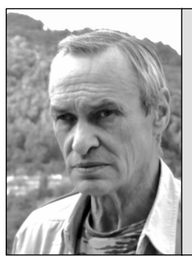
Лучше маяться несбыточным, чем разочароваться в сбывшемся

Упорно живу ожиданьем
Заветных, несбыточных встреч.
Упорно живу состраданьем –
И жизнь забываю беречь.

Молчу, забываясь над бездной,
Но слышу дыханье своё…
И медленной хваткой железной
Сжимается сердце моё.

Но я от себя отрываюсь, –
И время сжимаю в горсти.
И встречей несбыточной маюсь,
Пытаясь любовь обрести.

Как будто лишь я – третий лишний,
А прочих нелишних – не счесть!..
Но нас принимает Всевышний
Такими, какие мы есть…



Лев Котюков,
Подмосковье

Лев КОТЮКОВ родился 9 января 1947 г. в городе Орле. В 1965 году поступил в Литературный институт им. А.М. Горького, где учился с Николаем Рубцовым, Анатолием Передреевым, Юрием Кузнецовым, Юрием Гусинским, оказавшими на него, в силу своего старшего возраста, серьёзное влияние. Во время учёбы публикуется в «Правде», в «Комсомольской правде», избирается секретарём комитета комсомола Литинститута. В 1970 г. возвращается на малую родину, где работает литературным сотрудником, заведующим отделом областной газеты «Орловский комсомолец». В 1982 г. по рекомендации известного писателя и общественного деятеля С.С. Наровчатова принят в Союз писателей СССР. В 1990 г. Котюкову присуждают годовые премии журнал «Молодая гвардия» и «Литературная газета». В 1990-е годы работал главным редактором издательства «Ниппур». Лев Котюков – первый поэт в истории России, отмеченный за литературные труды Московской Патриархией и патриархом всея Руси Алексием Вторым. Лауреат Международной премии имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, лауреат Государственной премии Центрального Федерального округа Российской Федерации, а также лауреат ещё более тридцати международных, всероссийских и региональных литературных премий. Председатель правления Московской областной писательской организации Союза писателей России (с 1999), секретарь правления Союза писателей России, главный редактор журнала «Поэзия» (с 1997) и газеты «Московия литературная» (с 2000), генеральный директор «Творческого объединения литераторов газовой промышленности» при ОАО «Газпром» (с 2005), член Общественного совета при УВД Северного административного округа г. Москвы (с 2006), член Общественной палаты Московской области (с 2009).

Заслуженный работник культуры Российской Федерации, награждён государственными и общественными наградами. Автор более тридцати книг поэзии и прозы. Его произведения переведены на английский, немецкий, испанский, польский, китайский, непальский и другие языки. За вклад в мировую культуру награждён орденом ЮНЕСКО «Крылатый лев».

Визитка

Поэзия

* * *

Пахнет августом и грибами,
В лесу светлом зеленая тень.
Ты травинку жуёшь губами,
Как двуногий ручной олень.

Небо тёплое; ясень высокий
Тянет веткой к ольхе молодой.
Я ж порезала ноги осокой,
Я ж крапивой сожгла ладонь.

Мои раны залижет ветер,
Забинтует запахом трав,
Но никто никогда на свете
Не поймёт, кто из нас неправ.

Тут, под дрожь осиновых листьев,
В синем храме святых небес,
Мы могли бы с тобой молиться
На таинственный, дикий лес.

А уедешь в свой серый город
Хмурых улиц и площадей –
И настанет великий холод
Одиноких лесных дождей.

Размышления о Москве

Эх, Москва, дорогая столица,
Ты и яркая, и блестящая,
И улыбки твои на лицах,
Будто деньги на зуб хрустящие...

На тебя я могла молиться,
Узнавая по школьной карте.
Почему же, моя столица,
Скучно мне на твоём асфальте?

Тошно мне на тебя дивиться,
На твои терема былинные...
Как залётная дикая птица,
Бьюсь о стёкла твои витринные.

Вроде небо здесь тоже синее...
Не пойму, что в душе такое?
Будто ты, Москва – не Россия,
Государство совсем другое...

А Россия моя – под Смоленском,
Где в лугах проросли берёзки.
На всех кладбищах деревенских.
В беспокойных глазах подростков.

Там, где тихая скромная речка
Льётся к сердцу живой водою,
Там Россия моя, где вечность
Пахнет вербою молодою.

Там Россия моя, где в поле
Земляничный тоскует ветер
И где в маленькой сельской школе
Тихо учатся наши дети...

* * *

У тебя другие были:
Покрасивей, помоложе.
У меня другие были:
Плыли в душу, как туман...
Почему ж, когда целуешь,
От тебя не убегаю,
А руками, как лозою, обвиваю твою шею,
И змеёю подколодной заползаю в твоё сердце,
И хочу ужалить больно?
Что ты сделаешь со мной?
Что ты сделаешь с собой?
Ты меня забудешь, или
Будем вместе, как и прежде,
Умирать от страсти нежной
В той случайности небрежной,
Где мы встретились с тобой?..

* * *

Уже листвы прощальный шелест,
Травы сухой прощальный шорох;
Уже давно отцветший вереск
С рябиной перешёл на шёпот.

Ольха в растерянности дремлет.
Прикрыла ива ветром плечи.
Уже вспахали в поле землю.
Уже в лесу осенний вечер.

Сама, как голая береза,
Без листьев и весны осталась.
Весь мир так холоден и грозен,
А мне б тепла сейчас хоть малость...

* * *

В.И.Н.

Когда становится всё тусклым,
Когда душа не в силах петь,
Имею право на безумство:
Сорваться в ночь и улететь!

Пускай потом остудит ветер,
Польют на голову дожди;
Быть может, вихрь других столетий
Уже закружит впереди.

Помчусь туда, где ходит время
Как будто задом наперёд,
В масштабах странных измерений,
В прямой космический полёт.

Я буду там и здесь, и после,
И до того, и каждый час.
Я растворю в пространстве осень
И покорю цветенье глаз.

Шагну навстречу мирозданью
Сквозь миллиард небесных вёрст,
Потом, опередив сознанье,
Смогу дотронуться до звезд.

Когда же кровь остынет в венах,
Я прошепчу себе одной
Уверенно и несомненно:
«Была и буду молодой!»

* * *

Ты помнишь дожди проливные и небо,
И запах осоки, и спелого хлеба,
И вёдра с водою, и руки в работе,
И клюкву с брусникой на дальнем болоте...

Ты помнишь, как ветры призывно трубили
Про то, как мы сильно друг друга любили.
Скрипела калитка, шуршала солома,
Картошку ссыпали у самого дома...

А в доме смеялись и плакали дети,
И хлопьями снег выпадал на рассвете,
И всё засыпал: и крылечко, и крышу,
И сына могилу на кладбище ближнем.

Судьба выбирала, судила-рядила.
Взяла наши души, слила воедино.
Теперь расставаться и больно, и дико.
Цветёт у дорог полевая гвоздика...

* * *

Холодно мне. Холодно и страшно
Одинокой быть, когда ты есть.
Я отдам себя тоске бумажной,
Чтоб не смерзнуть и не умереть.

Знаешь, надоедливо и тошно
Пялить очи в ящик голубой.
Всё равно ведь это не поможет
Моему желанью быть с тобой.

Снег вчерашний за окошком светел,
Но подуло холодом опять...
Даже руки падают, как плети,
На мою промёрзшую кровать.

Бесполезно размышлять о важном
И плести из мыслей свою сеть.
Холодно мне... Холодно и страшно
Одинокой быть, когда ты есть...

* * *

День берёзовый, день поспелый,
Луговой травой опоясанный,
И ромашковый, белый-белый,
И вишнёвый от солнца ясного...
Весь испитый душой тревожной,
Как спасенье земного рая.
Умереть уже невозможно,
Когда рядом земля живая....

Тамара Лосева,
Смоленск

Тамара ЛОСЕВА родилась в Смоленске. Член Союза писателей России с 1996 года. Член Международного Литфонда. Лауреат Международного литературного конкурса им. А. Платонова, лауреат литературной премии им. А. Твардовского. Пишет стихи, отличающиеся проникновенным лиризмом, вниманием к тонким переливам эмоций и душевных состояний, отмеченных часто песенной и романсовой распевностью.
Проживает в Смоленске.

Визитка

Врагам

Не надоела ль вам грызня,
Какой меня вы не обидите?
Тем, что не любите меня,
Самих себя вы ненавидите.

Живёте в замкнутом кругу,
Друг друга грязью поливаете.
Принять всерьёз вас не могу,
А шуток вы не понимаете...

Поклон вам земной, ветераны

Давно отгремели раскаты
Боёв над весенней страной.
Никак не вернутся солдаты
С минувшей войны мировой.
Вам снятся опять фронтовые
Дороги, где юными шли.
Живите подольше, родные,
Защитники нашей земли.

Когда опалённые тропы
Травой покрывались едва, –
Пред вами склонилась Европа,
Салютом встречала Москва.
Года той войны роковые
Сквозь боль вы к победе вели.
Живите подольше, родные,
Спасители нашей земли.

Свои рубежи вы держали,
На смерть ради жизни вы шли.
Простите за то, что Державу
Мы вашу сберечь не смогли.
Простите за речи иные,
Что нам привезли издали.
Живите подольше, родные,
Радетели нашей земли.

О чём вы грустите часами,
Сойдясь в ветеранском кругу?
За то, что живём, перед вами
Мы все в неоплатном долгу.
Вы горечь и совесть России,
Примите поклон наш земной.
Живите подольше, родные,
Солдаты второй мировой.

* * *

Мы друг другу в любви не клялись,
Не встречали рассвет.
Ты сказала: «Уйди, отломись,
Как от дерева ветвь...»

Не твоя в этом, знаю, вина,
Что я очень раним.
Ослепила меня ты сполна
Первым снегом своим.

С той поры беззаботный мой смех,
Как навеки, затих.
Прожигает мне душу сквозь снег
След сапожек твоих...

* * *

Ветер горячий пустыни
Брызжет песками за горы,
Знойное солнце настырно
Жаждой хватает за горло.

Владимир Молчанов,
Белгород

Владимир МОЛЧАНОВ родился в 1947 году в станице Ильской на Кубани. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет. Автор девяти книг стихотворений, поэм и переводов: «Родство», «Минута тишины», «Подснежники», «Посвящение», «Другие времена», «Звени, осенняя строка» и др., издававшихся в Москве, Воронеже и Белгороде, автор двух юмористических сборников литературных баек и трёх сборников песен и романсов. Публиковался в журналах: «Наш современник», «Новый мир», «Юность», «Дружба», «Молодая гвардия», «Российский колокол», «Всерусскій соборъ», «Прапор», «Подъём», «Роман-журнал XXI век», «Простор», «Родная Кубань», «Родная Ладога», в газетах «Российский писатель», «День литературы», в еженедельнике «Литературная Россия», в альманахах «Академия поэзии», «Светоч», «Удеревский листопад», «Рубежи», «Встречи», во многих коллективных сборниках, выходивших в Москве, Воронеже, Харькове, Большом Болдино, Белгороде, и в других периодических изданиях. Стихи переводились на немецкий, польский, болгарский, украинский и азербайджанский языки.
Член Союза писателей СССР с 1990 года, член Союза журналистов с 1983 года, лауреат премии Белгородского комсомола (1983), лауреат Всероссийских литературных премий «Прохоровское поле» (2003), имени А.И. Фатьянова «Соловьи, соловьи...» (2004), премий Центрального Федерального округа в области литературы» (2007), журналов «Наш современник» (2007), «Молодая гвардия» (2008), заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в Белгороде.

Визитка

В небе бесцветном застыли,
Словно замёрзшие волны,
Редкие тучи густые, –
Больно...

Воздух назойлив звенящий
И неприятен для слуха.
Нет ничего в настоящем,
В прошлом всё тихо и глухо.
Кажется, кровь во мне стынет,
Сердце сбивается, словно
Поезд на рельсовых стыках, –
Больно...

Кажется, будто вначале
Голос я слышу любимой,
Кажется, что зазвучала
Песней любовь лебединой.
Кажется, будто касаюсь
Рук твоих, вскинутых вольно.
Кажется, всё показалось, –
Больно...

Кажется, что заискрилась
Маленькой каплей надежда...
Кажется, всё мне приснилось,
А наяву, как и прежде,
Тучи бесцветной лавиной
Движутся в небе покорно.
Нету со мною любимой, –
Больно...

* * *

Зимний сумрак... От звёзд – освещенье...
Гор вершины... Снегов белизна...
Дымный вечер укрылся в ущелье,
И тумана взросла пелена.

Тихо-тихо... Ни звука, ни вздоха.
Ночь долину в снега облекла.
Что же сделал ты, вечер-пройдоха? –
Опустил до земли облака.

Покусился на неба святыни
И, как школьник нашкодивший, стих,
Чтобы выесть туманом седины
Гор высоких и склонов лесных;

Чтоб покрыть гололёдом безверья
Над речушкой округлости слег.
Тихо-тихо... Лишь слышно: с деревьев,
Как листва, осыпается снег...

* * *

Всё стало дорого и свято,
Когда, простясь с минувшим днём,
Я шёл по краешку заката
И, как закат, горел огнём.

Лучи последние косые
Пронзали сумрак сентября.
«Освобождённая» Россия
Плыла, как новая заря.

Как верный сын её и житель,
Что вдруг остался не у дел,
Я на неё, как на погибель
Себя минувшего, глядел.

И, словно самоочищенье,
Грехи былого отмоля,
Всё чётче зрело ощущенье,
Что я – совсем уже не я.

Что вдруг за всё пришла расплата,
Сжигая душу изнутри
Огнём померкшего заката
И светом брезжущим зари!